

КУЛЬТУРНЫЙ И ДИДАКТИЧЕСКИЙ РАЗМЕР УБИЙСТВА РАДИ ДЕНЕГ В РАССКАЗАХ А. П. ЧЕХОВА «В ОВРАГЕ» И «УБИЙСТВО»

Ewa Borkowska
Polska, Siedlce, UPH WH
borkowskae@uph.edu.pl

Аннотация. Статья посвящена теме убийства ради денег и его культурному и дидактическому аспектам рассказов А.П. Чехова "В овраге" и "Убийство". Рассказы объединяет мотив преступления. Дидактическое измерение показывает, на что может быть способен человек, когда переступает границы, определённые обществом и культурой.

Ключевые слова: Чехов, дидактика, культура, рассказ, убийство ради денег

THE CULTURAL AND DIDACTIC DIMENSION OF THE MURDER FOR MONEY IN CHEKHOV'S STORIES "IN THE RAVINE" AND "MURDER"

Ewa Borkowska
Poland, Siedlce, University of Natural Sciences and Humanities,
Faculty of Humanities
borkowskae@uph.edu.pl

Abstract. The paper focuses on murder for money and its cultural and didactic dimension in Chekhov's stories "In the Ravine" and "The Murder". The stories are connected by the same theme, i.e. the murder. The didactic dimension shows what men who break rules established by the society and culture are capable of.

Keywords: Chekhov, didactics, culture, story, murder for money

Убийство, а, следовательно, насильственная смерть, находится с человеком с сотворения мира, поскольку он всегда был вовлечён в конфликт между добром и злом, который возникал из его грешной природы, подкреплённой завистью (Каин), мстью (Ахилл) или желанием доминировать над другими. В библейской истории о Каине и Авеле Бог оставил за собой право на наказание, поэтому человек не имел права убивать во имя мести (метка Каина).

Психологи утверждают, что убийцей может быть каждый¹, но общественное и культурное давление слишком сильно для того, чтобы снизить до тех первичных инстинктов, которые скрываются в глубине. Отдельным вопросом с точки зрения права является убийство ребёнка (Медея, Тантал, Ирод)², жестокое преступление в отношении невинного

¹ Eliza Kokoszycka: *Czy każdy z nas może zabić, czyli kim jest współczesny zabójca*. <http://nauka.wpolsce.pap.pl/aktualnosci/news,21713,czy-kazdy-z-nas-moze-zabic-czyli-kim-jest-wspolczesny-zabojca.html> (21.01. 2007)

² Zob. *Zabójstwo dziecka w literaturze i kulturze europejskiej*. Red. Kazimierz Ilski i in. Poznań 2014, 329 s.

существа, которое не в состоянии защитить себя. Такой акт насилия Чехов показал в рассказе «В овраге».

Несомненно, убийство является наихудшим из преступлений, поскольку лишает человека жизни – самого ценного дара. Жизнь как наивысшая ценность обуславливает то, что человек может реализовывать свое призвание творить добро на разнообразных плоскостях общественных отношений, а также проявлять свою свободу в пределах установленного права. Уголовный кодекс определяет убийство как преступление «[...] и этот поступок можно совершить только преднамеренно»³, следовательно, с полным сознанием правдоподобности наступления смерти. Такое преступление признается самым тяжким, подвергается наказанию в виде лишения свободы и должно быть осуждено морально. Особого порицания заслуживает убийство, мотивированное материальной корыстью, и такой тип преступления описал Фёдор Достоевский в знаменитом психологическом романе «Преступление и наказание», а также Чехов в рассказе «Убийство» (1895). Рассказу Чехова будет посвящена первая часть этого раздела. Во второй части будут проанализированы мотивы детоубийства в рассказе «В овраге». Проблема убийства, которое мотивируется материальной выгодой, выступает в рассказе «Убийство» (1895), тему которого Чехов почерпнул из пребывания на Сахалине⁴. Прототипом преступника Якова был некий Терехов⁵, серийный убийца, заключённый трудового лагеря, который произвёл на писателя наибольшее впечатление. Принципиальным вопросом в этом рассказе является преступление, которое мотивируется гордыней и жадностью Якова Терехова, поддерживаемого такой же жадной сестрой Аглаей, и последствия вытекающие из этого (наказание для преступников). Кроме того, Чехов представил проблему фальшивой набожности, поисков и в результате нахождение Бога потерянным человеком. Склонность к убийству можно рассматривать в категориях ясперсовской «пограничной ситуации»⁶, где в случае Якова человек расширил границу существования в негативном смысле, посредством соревнования с трудным опытом самопознания через причинение страдания. Чтобы ещё точнее вникнуть в мотивации убийц, стоит присмотреться ближе к жизни героев и целому комплексу факторов, которые ведут к преступлению.

Произведение начинается с введения читателя в мир забот и радостей главного героя Матвея Терехова, для которого пение в церков-

³ Agnieszka Nowicka: *Podstawowe przepisy i pojęcia prawa karnego*. W: *Wybrane zagadnienia z medycyny sądowej*. Red. Czesław Żaba. Poznań 2014, s. 185.

⁴ См. О. Н. Проваторова: „Сахалинские” мотивы в рассказе А. П. Чехова „Убийство”. „Вестник ОГУ” № 11 (117) ноябрь ‘2010, с. 22. Zob. Leonid Bieżyn: *Jak Czechow wędrował na Sachalin?*; <http://www.rp.pl/Plus-Minus/306169916-Jak-Czechow-wedrowal-na-Sachalin.html#ap-1> (16.06.2016)

⁵ *Ibidem*, с. 22.

⁶ Karl Jaspers: *Sytuacja graniczna i egzystencja*. Tłum. Mirosław Kwieciński. W zbiorze: *Osoby*. Т. 3 „Transgresje”. Red. Maria Janion, Stanisław Rosiek. Gdańsk 1984, s. 86.

ном хоре на железнодорожной станции было чем-то исключительным по отношению к пустоте этого места и медленному течению жизни. Герой, ценящий общество других людей, часто сиживал в буфете за прилавком и рассказывал о своей жизни, о фабричном хоре, в котором он когда-то пел, о конфликтной семье. Важным для дальнейшего развития событий было признание Матвея, сделанное в буфете

- Признаться, не люблю я брата, - продолжал он, наливая себе чаю. - Он мне старший, грех осуждать, и боюсь господу бога, но не могу утерпеть. Человек он надменный, суровый, ругательный, для своих родственников и работников мучитель, и на духу не бывает. В прошлое воскресенье я прошу его ласково: "Братец, поедемте в Пахомово к обедне"! А он : "Не поеду, - там, говорит, поп картежник". И сюда не пошел сегодня, потому, говорит, веденяпинский священник курит и водку пьет. Не любит духовенства! Сам себе и обедницу служит, и часы, и вечерню, а сестрица ему вместо дьячка. Он: господу помолимся! А она тонким голосочком, как индюшка : господи помилуй!.. Грех, да и только. Каждый день ему говорю: "Образумьтесь, братец! Покайтесь, братец"! - а он без внимания⁷.

Из приведённого фрагмента следует, что отношения мужчин не выглядели хорошими, а Матвей имел много возражений относительно поведения брата. Он упрекал его в отсутствии религиозности и недостойном поведении, делал замечания, но сам не был «свят». Как благочестивый христианин он наговорил на него в трактире, поскольку – как констатировал – «не смог утерпеть» (9, с. 134). Положение брата и сестры (Якова и Аглаи), молящихся в домашней часовне во время всенощного богослужения, противоречило виденью семьи, описанного Матвеем, но – как оказалось позже – всё это было ложь и лицемерие. Эти люди молились напоказ. На словах «Слава тебе, показавшему нам свет!» (9, с. 137) – в квартире, будто по иронии, были слышны особенные голоса, возвещающие о трагедии, словно Богу не была мила такая молитва.

Матвей изначально воспринимал себя как исключительно набожного человека. Как человек, находящийся в поисках духовных впечатлений, он имел в прошлом кризис фанатичной религиозности, когда прекратил ходить к церкви и хотел основать собственную. Чем более он увлекался, тем больше чувствовал искушений и впадал в ещё большую гордыню. Его начали называть святым, а потом еретиком, когда разошёлся слух о том, что в его окружении происходят удивительные вещи. Вовремя сделал ему замечание благородный и уважаемый человек, он дал ему совет, который нужно прокомментировать.

⁷ Антон П. Чехов: *Убийство*, в: *Полное создание сочинений и писем в тридцати томах*, т. 9. *Сочинения* (1887), Москва 1985, с. 134. Последующие цитаты приводятся из этого издания. Номера страниц я помещаю тут же после цитированного стиха. Сокращение 9, с.134 обозначает том и страницу.

«Будь, говорит, обыкновенным человеком, ешь, пей, одевайся и молись, как все, а что сверх обыкновения, то от беса. Вериги, говорит, твои от беса, посты твои от беса, моленная твоя от беса; все, говорит, это гордость» (9, 140-141).

Как интерпретировать такой совет? Нормальность – это позиция, требующая не выделяться, равняться на других, жить и практиковать таким образом, как это делают другие. Всевозможные отступления являются всего лишь гордыней и происками дьявола. «Обращённый» Матвей, который, своё отношение к родственникам оправдывал заботой и потребностью увещевания, так как когда-то увещевали его. Теперь уже Яков перенял поведение Матвея, но он молился не для получения милостей, а по привычке – для порядка и удовлетворения. Проживающий с ними Матвей с самого начала препятствовал братьям и сестрам. Не принимал участия в богослужениях и всё время только поучал, что вызывало ссоры и нарушало внутреннее спокойствие домочадцев. Стоит подчеркнуть, что Якова не любят, поскольку завидуют его богатству. (Матвей со знакомыми комментировал величину его состояния). Кроме того, теперь он был отступником, потому что верил по-своему и тем самым поражал даже людей, для которых вера была очень важна. На Матвея знакомые также смотрели с завистью и удивлялись, что он не хочет денег больше, чем у брата, потому что, по их мнению, наследство было разделено несправедливо.

Нарастающие конфликты из-за денег и завладения жизненным пространством порождали в Якове наихудшие мысли. Он не хотел отдавать брату причитающуюся ему сумму, его манила мысль о том, чтобы избавиться от обременительного жилья. При этом он молился, но у него ничего не выходило и он уже не чувствовал удовлетворения от того. Дождался он и прозвища «ханжа». Нарастающая ненависть и злость по отношению к Матвею вели к тому, что он не понимал своего поведения. Он знал, что должен изменить форму религиозности на другую, поскольку не ощущал спокойствия.

В контексте разгорающегося семейного конфликта, следует спросить о непосредственной причине убийства. Спор касался того, что Матвей не соблюдал пост во время Страстной Недели. Семья не могла понять, что брат ничего не делал уже из принципа, в частности, не постился. Скандал вызвала сестра мужчин, которая претенциозным тоном отказала Матвею в масле в постный день. Потом к ней присоединился разгневанный Яков, и с того времени события развивались очень быстро. Взрыв неконтролируемой агрессии Якова Чехов изобразил следующим образом:

- А я тебе говорю, ты не можешь есть масла! - крикнул Яков.
Аглая и Дашутка вздрогнули, а Матвей, точно не слышал, налил себе масла в чашку и про - должал есть.

- А я тебе говорю, ты не можешь есть масло! - крикнул Яков еще громче, покраснел весь и вдруг схватил чашку, поднял ее выше головы и изо всей силы ударил оземь, так что полетели черепки. - Не смей говорить! - крикнул он неистовым голосом, хотя Матвей не сказал ни слова. - Не смей! - повторил он и ударил кулаком по столу (9, с. 152-153).

Бросание предметов на пол означало психическую неуравновешенность, а также неумение контролировать выплеск эмоций будущего убийцы. Из описания Чехова следует, что это Аглая подкрепляла не любовь к брату. Думая, что Якову угрожает опасность, она ударила Матвея бутылкой по голову, а позже убила его утюгом. Этот тип преступления можно классифицировать, как спланированное убийство с использованием тупого предмета, с элементами аффективного поведения. Что указывало на аффект? Обстоятельства, то есть ссора и в общих чертах плохая атмосфера, царящая в доме героев. Виноваты были оба, потому что сотрудничали во время совершения преступления. Виновной была также Дашутка, поскольку не пыталась сдержать отца и тётю. Ниже приведена натуралистичная, подробная, и одновременно ужасная в своём высказывании картина умерщвления Матвея братом и сестрой:

Яков взял его за плечи и потащил из - за стола, а он еще больше побледнел и, испугавшись, смутившись, забормотал : "Что ж оно такое? Что ж оно такое"? - и, упираясь, делая усилия, чтобы высвободиться из рук Якова, нечаянно ухватился за его рубаху около шеи и порвал воротник, а Аглае показалось, что это он хочет бить Якова, она вскрикнула, схватила бутылку с постным маслом и изо всей силы ударила ею ненавистного брата прямо по темени. Матвей пошатнулся, и лицо его в одно мгновение стало спокойным, равнодушным; Яков, тяжело дыша, возбужденный и испытывая удовольствие оттого, что бутылка, ударившись о голову, крикнула, как живая, не давал ему упасть и несколько раз (это он помнил очень хорошо) указал Аглае пальцем на утюг, и только когда полилась по его рукам кровь и послышался громкий плач Дашутки, и когда с шумом упала гладильная доска и на нее грузно повалился Матвей, Яков перестал чувствовать злобу и понял, что произошло (9, с. 153).

И ещё один фрагмент, также являющийся натуралистичным описанием самого преступления и места преступления:

- Пусть издыхает, заводский жеребец! - с отвращением проговорила Аглая, не выпуская из рук утюга; белый, забрызганный кровью платочек сполз у нее на плечи, и седые волосы распустились. - Туда ему и дорога!
Всё было страшно. Дашутка сидела на полу около печки с нитками в руках, всхлипывала и все кланялась, произнося с каждым поклоном: "гам! гам"! Но ничто не было так страшно для Якова, как вареный картофель в крови, на который он боялся наступить, и было еще нечто страшное, что угнетало его, как тяжкий сон, и казалось самым опасным и чего он никак не мог понять в первую минуту. Это был буфетчик Сергей Никанорыч, который стоял на пороге со счетами в руках, очень бледный, и с ужасом смотрел на то, что происходило в кухне. Только когда он повернулся и быстро пошел в сени, а оттуда наружу, Яков понял, кто это, и пошел за ним. (9, с. 154).

Внимание читателя, несомненно, привлекают окровавленные картофелины, сброшенные на пол, а также окровавленные икры Дашутки. Самое главное то, что это преступление было преднамеренным, а мотивом же оказались деньги. Ведь у Якова были моменты, когда он мог поддаться искушению убийства брата, и случай посодействовал реализации подлого плана. Сна его лишил случайный свидетель происшествия – буфетчик Сергей Никанорыч, вмешавшийся случайно, который сразу после происшествия пришёл к уже мёртвому Матвею одолжить денег. Внимание Якова теперь занимала мысль, чтобы хоть на какое-то время оттянуть момент унижающего ареста. Решение о ссуде денег буфетчику была взяточничеством, чтобы тот не донёс о том, что произошло. Тело мёртвого Матвея было прикрыто простыней, словно саваном, вина же должна была быть возложена на бродяг из леса, куда Яков с дочкой вывезли Матвея, а потом на рабочих, занятых на строительстве железной дороги, как свидетельствовал убийца. Той ночью брат и сестра уже не молились, так как какой смысл имеет молитва в устах убийц? Преступление стало явным через два дня. Яков путался в показаниях, и ни у кого уже не было сомнений, что Матвей был убит братом и сестрой. Вся тройка вместе с буфетчиком была приговорена к аресту, обвинена в убийстве с целью грабежа и вывезена на Сахалин. Ввиду масштаба преступления рождается вопрос, сожалел ли кто-нибудь из убийц о своём поступке? По-видимому, только Яков понял размер проступка. Он осунулся, постарел от огорчения и упрёков совести. Аглаю это жестокое преступление не научила ничему. Она всё время проклинала умершего и обвиняла в своей неудачной жизни. Буфетчик стыдился преступления и пытался защищаться. Дочка Якова не сознавалась ни в чем.

Необыкновенно важен для смысла всего рассказа конец текста. Речь в нём идёт о заслуженном страдании Якова, о попытке побега с каторги, о тоске родному дому. Но говорится также о настоящей, простой и искренней вере героя, о его изменении посредством этой веры, которую он так долго искал, и о Боге, которого в конечном итоге он отыскал в другом человеке и его страдании. Сахалин оказался спасительным местом, поскольку, наконец, сделал возможным размышления о человеке и смысле его жизни, боли и тоски. Лишь теперь Яков стал в полной мере человеческим, как страдающий и обращённый в веру, а также заботящийся о тех, кто навсегда останутся со своей бездушностью

[...] что он, наконец, узнал настоящую веру, ту самую, которой так жаждал и так долго искал и не находил весь его род, начиная с бабки Авдотьи. Все уже он знал и понимал, где бог и как должно ему служить, но было непонятно только одно, почему жребий людей так различен, почему эта простая вера, которую другие получают от бога даром вместе с жизнью, досталась ему так дорого, что от всех этих ужасов и страданий, которые, очевидно, будут без перерыва продолжаться до самой его смерти, у него трясутся, как у пьяницы, руки и ноги? Он вглядывался напряженно в потемки, и ему казалось, что сквозь ты-

сячи верст этой тьмы он видит родину, видит родную губернию, свой уезд, Прогонную, видит темноту, дикость, бессердечие и тупое, суровое, скотское равнодушие людей, которых он там покинул; зрение его туманилось от слез, но он все смотрел вдаль, где еле-еле светились бледные огни парохода, и сердце щемило от тоски по родине, и хотелось жить, вернуться домой, рассказать там про свою новую веру и спасти от гибели хотя бы одного человека и прожить без страданий хотя бы один день (9, с.160).

Существует и другая возможность прочтения этого текста, хоть она исполняет роль всего лишь очерка или интерпретационной гипотезы и требует дальнейших исследований. Если трактовать рассказ параболически, то Матвея можно признать библейским Авелем, которого убил Каин-Яков. Перспектива Нового Завета наводит на мысль о новом Авеле – пророке Иоанне Крестителе или Спасителе-Христе, а «глас вопиющего в пустыне» (с. 9, с. 141)⁸ был бы пылким призывом об изменении человеческих сердец. В таком контексте смерть Матвея – это пасхальная жертва, а сам он агнец, преданный и убитый своими (брат и сестра). Необыкновенно показателен момент убийства мужчины, приходящийся на Страстную Неделю. Смерть Матвея, подобно смерти Иоанна Крестителя и Христа, также спланирована заранее. Яков и Аглая, следовательно, будут синонимом палачей, поначалу тех, которые подстрекали (Аглая), а потом замучили, убили и Матвея-Христа (Яков и Аглая). Образ Иуды в известной степени видится в фигуре буфетчика, который получил своих тридцать серебрянников за молчание.

Убийство ребёнка, жестокое преступление в отношении самого младшего, не очень часто присутствует в Библии, поскольку и сам факт убийства, совершённое женщиной – как констатировал Здзислав Майжхак – был редкостью в этой книге⁹. Иначе происходит в мифологии, где тема убийства самых младших (как и детоубийства) появлялась многократно, особенно в античной драме¹⁰.

С убийством ребёнка женщиной (которая не является его матерью) из финансовой корысти мы имеем дело в необыкновенно насыщенном смыслами рассказе «В враге» (1900). Текст начинается немного юмористическим описанием села Уклево, которое связывают лишь с забавным анекдотом, и такое введение целесообразно контрастирует с совершённым позже убийством ребёнке Липа. Кроме того, известно только то, что это место было полно фальши, мошенничества и зависти, поскольку люди обманывали друг друга во имя выгоды и общественного положения. Героиней рассказа является Липа, молоденькая, необыкновенно доверчивая и скромная девушка, которую по принуждению выдали замуж за Анисима, человека – как оказалось –

⁸ См. Из. 40, 3; Мат. 3, 3.

⁹ Здзислав Майжхак: *Kobiety zabójczynie w Biblii*. W: *Kiedy kobieta zabija. Motywy, osobowość, relacja sprawca-ofiara, strategie obronne. Opinia sądowo-psychologiczna stanu silnego wzburzenia*. Warszawa 2009, s. 23.

¹⁰ Elżbieta Wesołowska: *Agamemnon i jego lwia rodzina*. W zbiorze: *Zabójstwo dziecka w literaturze i kulturze europejskiej*. Red. Kazimierz Ilski i in. Poznań 2014, s. 34.

замешанного в тёмных делах (фальшивомонетничество). Собственно, этой единственной позитивной личности была противопоставлена негативная героиня Аксинья, завистливая, «подколотная змея» невестка Цыбукина, которая почувствовала себя под угрозой, когда Липа прибыла в свой новый дом. Это между этими женщинами разыгралась драма. Стоит задуматься над мотивацией поведения Аксиньи до этого страшного преступления и ее влиянием на жизнь семьи.

Кем была убийца? На вид была весёлым и предприимчивым человеком, но под маской привлекательной внешности скрывалась жестокая и недоброжелательная мошенница, посылающая красноречивый злоеущий взгляд, готовая на всё, только бы получить своё и иметь власть над всеми

Аксинья торговала в лавке, и слышно было во дворе, как звенели бутылки и деньги, как она смеялась или кричала и как сердились покупатели, которых она обижала; и в то же время было заметно, что там в лавке тайная торговля водкой уже идет (10, с. 147).

Подлый характер женщины обуславливал то, что она не знала угрызенной совести. Мужа трактовала как инструмент, он ничего не решал и был словно изъят из общественной жизни. Она завоевала расположение тестя Цыбукина, который также обворовывал клиентов. Импонировала ему её хозяйственность и азарт в торговле. Жёлто-зеленое свадебное платье дополняло ее ядовитую, испорченную, но закамуфлированную личность, что изображается в фрагменте:

У Аксиньи были серые наивные глаза, которые редко мигали, и на лице постоянно играла наивная улыбка. И в этих немигающих глазах, и в маленькой голове на длинной шее, и в ее стройности было что - то змеиное; зеленая, с желтой грудью, с улыбкой, она глядела, как весной из молодой ржи глядит на прохожего гадука, вытянувшись и подняв голову. Хрымины держались с ней вольно, и заметно было очень, что со старшим из них она давно уже находилась в близких отношениях (10, с. 155-156).

Чтобы подчеркнуть контраст двух таких разных между собой характеров, необходимо привести описание внешности и поведения молодой и изначально не осознающей ничего Липы:

Потом в доме тетки были устроены смотрины, как следует, с закуской и вином, и Липа была в новом розовом платье, шитом нарочно для смотрин, и пунцовая ленточка, точно пламень, светилась в ее волосах. Она была худенькая, слабая, бледная, с тонкими, нежными чертами, смуглая от работы на воздухе; грустная, робкая улыбка не сходила у нее с лица, и глаза смотрели по-детски – доверчиво и с любопытством.

Она была молода, еще девочка, с едва заметной грудью, но венчать было уже можно, так как года вышли, В самом деле она была красива, и одно только могло в ней не нравиться -- это ее большие, мужские

руки, которые теперь празднично висели, как две большие клешни (10, с. 149-150).

Молоденькая девушка не имела понятия, в какую семью входит. Ее несмелость, тонкая натура, доброта и детский взгляд на мир были причиной того, что она не была готова на конфронтацию с злом в образе Аксиньи. Кроме того, она получила символическое имя. Оно означает мягкое дерево, из которого возникают прекраснейшие скульптуры. Какой же была Липа? Нежная, чувствительная и слабая настолько, чтобы позволить судьбе сформировать свою жизнь, пусть даже грубым образом. Дополнением к размышлениям будет выдержка, изображающая впечатления и самочувствие Липы во время собственной свадьбы:

Блеск огней и яркие платья ослепили Липу, ей казалось, что певчие своими громкими голосами стучат по ее голове, как молотками; корсет, который она надела первый раз в жизни, и ботинки давили ее, и выражение у нее было такое, как будто она только что очнулась от обморока, – глядит и не понимает. (10, с. 153).

Из приведённого фрагмента следует, что девушка с самого начала плохо чувствовала себя в роли, которую ей навязало общество, не до конца понимала, что с ней делается. Кроме того, её подавляли роскошь и богатство, которого она никогда ранее не знала, но с которым она теперь должна была знакомиться. В муже она не находила никакой поддержки, поскольку брак был заключен по расчёту, а не по любви. Увлечение маленьким сыночком ещё больше отдала ее от семейных дел, влекло за собой дистанцию и стойкость в отношении зла этого мира. На основании собственных знаний о мире она предвещала, что Никифор будет крестьянином, не купцом, и вместе с ней будет ходить на подёнщину.

Любопытной фигурой является Анисим, который после свадьбы долго не находился при своей молодой жене, поскольку таинственная преступная деятельность (он потерял работу детектива, а потом раздавал фальшивые монеты) требовала от него частых отъездов. Он также был косвенно виновен в несчастье, которое случилось с молодой матерью, потому что не занимался ею, не защищал её и ребёнка. Во время заключения брака он не мог сосредоточиться на церемонии, потому что все время глядел вдаль. Наверное, думал о себе, о проблемах, может, о том, что поступает плохо. Однако, он имел смелость просить Бога отпустить тяжёлые грехи и, растроганный, даже заплакал, словно верил, что для него есть ещё какая-то надежда. Интересен в этом контексте полный страха плач ребенка где-то в церкви: «Милая мамка, унеси меня отсюда, касатка!» (10, с. 153). Как понять такую просьбу? Кажется, что детский разум почувствовал угрозу зла, которое нависло над молодыми, которое должна была испытать и Липа. Благословение особенно старца Елизарова, будто пророка, по прозвищу Костыль, должно было отвести приближающееся несчастье. Костыль своей добротой и простодушием напоминает Липу, оба же обнаруживают сходство

с юродивым¹¹, «святого сумасшедшего», часто высмеиваемого, как и он, окружением, свойственным русскому культурному кругу (напр. «Идиот» Достоевского).

Важную роль в рассказе играет Григорий Цыбукин, лавочник и владелец состояния, человек такой же непорядочный, как его жена Варвара, но относящийся с уважением к молодой невестке. Его ослепление деятельностью Аксины повлекло за собой то, что он передал её управление состоянием, а она считала его собственным и хотела всё больше и больше. Кроме того, он не пользовался авторитетом у невестки, поскольку она ослушалась его, когда приказал выбросить фальшивые монеты в колодец. Мысль о распространённых поддельных деньгах привела его к состоянию близкому к безумию и уходу из жизни, что можно понять как попытку искупления вины по отношению к обиженным.

В этом контексте стоит задуматься над мотивацией, которая привела Аксиныю к преступлению. Каплей, переполнившей чашу горести, оказалось решение Цыбукина, защищающего интересы внука. Он переписал землю кирпичного завода на маленького Никифора. Жадная Аксиныя впала в неистовство, потому что считала, что состояние принадлежит ей. Мятажная, пылающая ненавистью женщина решила убить ребёнка, подвергнув его ужасному страданию. Такой тип преступления можно квалифицировать как преступление с особой жестокостью¹², которое заключается здесь в преднамеренном причинении страдания во имя мести (ожог кипятком). Ниже два фрагмента, касающиеся трагедии в прачечной. Первый описывает предлог к происшествию (конфликт из-за белья Аксины, которое должна была стирать Липа), во втором виден сам акт убийства:

Аксиныя вбежала в кухню, где в это время была стирка. Стирала одна Липа, а кухарка пошла на реку полоскать бельё. От корыта и котла около плиты шел пар, и в кухне было душно и тускло от тумана. На полу была еще куча невытого белья, и около него на скамье, задирая свои красные ножки, лежал Никифор, так что если бы он упал, то не ушибся бы. Как раз, когда Аксиныя вошла, Липа вынула из кучи ее сорочку и положила в корыто, и уже протянула руку к большому ковшу с кипятком, который стоял на столе...

- Отдай сюда! - проговорила Аксиныя, глядя на нее с ненавистью, и выхватила из корыта со - рочку. - Не твое это дело мое бельё трогать! Ты арестантка и должна знать свое место, кто ты есть!

И ещё реакция Липы на вид мёртвого ребенка, а также одиночество девушки в беде:

¹¹ Cezary Wodziński: *Historia jurodiwego*. W: *Św. Idiota. Projekt antropologii apofatycznej*. Gdańsk 2000, s. 20-21.

¹² Jan Ptak: *Szczególne okrucieństwo jako znamię przestępstwa zabójstwa*. „Prokuratura i Prawo” nr 9, 2015, s. 99.

Липа глядела на нее, оторопев, и не понимала, но вдруг уловила взгляд, какой та бросила на ребенка, и вдруг поняла, и вся помертвела...

- Взяла мою землю, так вот же тебе!

Сказавши это, Аксинья схватила ковш с кипятком и плеснула на Никифора.

После этого послышался крик, какого еще никогда не слышали в Уклееве, и не верилось, что небольшое, слабое существо, как Липа, может кричать так. И на дворе вдруг стало тихо. Аксинья прошла в дом, молча, со своей прежней наивной улыбкой... Глухой все ходил по двору, держа в охалке белье, потом стал развешивать его опять, молча, не спеша. И пока не вернулась кухарка с реки, никто не решался войти в кухню и взглянуть, что там (10, с. 172).

Момент ожога Никифора кипятком Чехов представил лапидарно, без излишнего комментария и натуралистичных картин. Липа осталась одна со своим отчаянием, поскольку никто не смел войти в кухню. Легче было не сочувствовать девушке. Чехов показал тем самым бессердечность окружения и согласие на чужую несправедливость.

Необыкновенно пронзительно изображение Липы, которая возвращается с умершим сыночком из больницы, а также сцена с женщиной и парнем, которые поят коня. По-видимому, эта картина должна была дать девушке понять, что ей не будет дано семейной жизни, что она окончательно потеряла кого-то самого дорогого. Порождённые в одиночестве размышления эсхатологической природы о нахождении души ребёнка после смерти, можно понимать, как заботу о вечной жизни для умершего, а также как внутреннее спокойствие для себя, если будет определённость, что младенец находится в небе.

Интересен также мотив старика. Встреченный человек со стоическим спокойствием дал Липе понять, что смерть ребенка – то Божья воля, а, следовательно, ничего плохого. Он убедил её также в счастье, которое когда-то испытает. Вавила, парень, путешествующий со стариком, жалился над Липой так обычно, по-человечески, словно понял ее страдание. Особенный вопрос к странствующим: «Вы святые?» (10, с. 174) вносит в рассказ таинственность, и его можно интерпретировать как ответ на жест склонения над нуждающейся, которая прежде испытывала только зло, и только мать была её утешением. Какова была судьба девушки на фоне ссылки мужа в Сибирь? Аксинья окончательно выгнала конкурентку, и Липа вернулась к работе с матерью.

Как понять обвинение Липы в смерти ребёнка? Как объяснить отсутствие защиты, когда несёшь вины? В конечном итоге, как прочитать ситуацию, в которой Липа не донесла на убийцу? На эти и многие другие вопросы Чехов не дает ответа. По-видимому, приписывание вины Липе возникало из страха перед Аксиньей и стремления к спокойствию? Отсутствие защиты со стороны девушки происходит из покорности, доброты, но также из неведения и жизненной пассивности, а также из тихого согласия на страдание и неспособность взять жизнь в свои руки.

В этом рассказе Чехов показывает, что среди людей возможно всё, даже преступление без наказания. Как по иронии, довольная Аксинья жила себе долго и счастливо с кровью на руках, Липа же с песней на устах, духовно связанная с умершим сыном, воздавала Творцу хвалу и работала на её кирпичном заводе. Лишь Бог – о чём писатель не говорит откровенно в тексте – восстановит справедливость и осудит зло.

Рассказы «Убийство» и «В овраге» соединяет один и тот же мотив преступления. Они повествуют о смерти невинных лиц и жестоких преступлениях, совершённых из зависти и ради денег. Оба затрагивают экзистенциальную тематику. Показывают, на что может быть способен человек, когда переступает границы, определённые обществом и культурой, когда им руководят наиболее дикие инстинкты, которые вытесняются глубже всего. Трансгрессивный человек осознаёт границу, следовательно, «момент вне границ соблюдения запрета»¹³ и за эту минуту часто платит наивысшую на земле цену (Яков и его семья / «Убийство») или в вечности (Аксинья / «В овраге»).

Литература

*

- Bieżyn Leonid: *Jak Czechow wędrował na Sachalin?*; <http://www.rp.pl/Plus-Minus/306169916-Jak-Czechow-wedrowal-na-Sachalin.html#ap-1> (16.06.2016).
- Durançon Jean: *Transgresja u Bataille'a*. W: *Osoby*. T. 3 „Transgresje”. Red. Maria Janion, Stanisław Rosiek. Gdańsk 1984.
- Jaspers Karl: *Sytuacja graniczna i egzystencja*. Tłum. Mirosław Kwieciński. W zbiorze: *Osoby*. T. 3 „Transgresje”. Red. Maria Janion, Stanisław Rosiek. Gdańsk 1984.
- Kokoszycka Eliza: *Czy każdy z nas może zabić, czyli kim jest współczesny zabójca*. <http://naukawpolsce.pap.pl/aktualnosci/news,21713,czy-kazdy-z-nas-moze-zabic-czyli-kim-jest-wspolczesny-zabojca.html> (21.01. 2007)
- Majchrzak Zdzisław: *Kobiety zabójczynie w Biblii*. W: *Kiedy kobieta zabija. Motywy, osobowość, relacja sprawca-ofiara, strategie obronne. Opinia sądowo-psychologiczna stanu silnego wzburzenia*. Warszawa 2009.
- Nowicka Agnieszka: *Podstawowe przepisy i pojęcia prawa karnego*. W: *Wybrane zagadnienia z medycyny sądowej*. Red. Czesław Żaba. Poznań 2014.
- Ptak Jan: *Szczególne okrucieństwo jako znamię przestępstwa zabójstwa*. „Prokuratura i Prawo” nr 9, 2015.
- Wodziński Cezary: *Historia jurodiwego*. W: *Św. Idiota. Projekt antropologii apofatycznej*. Gdańsk 2000.
- *Zabójstwo dziecka w literaturze i kulturze europejskiej*. Red. Kazimierz Ilski i in. Poznań 2014.

¹³ Jean Durançon: *Transgresja u Bataille'a*. W: *Osoby*. T. 3 „Transgresje”, *op. cit.* s. 321.

**

- Проваторова О. Н.: „Сахалинские” мотивы в рассказе А. П. Чехова „Убийство”. „Вестник ОГУ” № 11 (117) ноябрь 2010.
- Чехов Антон П.: *Убийство*, в: *Полное создание сочинений и писем в тридцати томах*, т. 9. *Сочинения* (1887), Москва 1985.

Done kontaktowe / Contact details:

UPH Siedlce, ul. 3 Maja 54, ewa.borkowska@uph.edu.pl